

Глава 1

Май 2005

Она попалась мне на глаза в субботу утром в разгар моего рабочего дня в публичной библиотеке Винтер-Парка.

Книга, которую я в последний раз видела больше шестидесяти лет назад.

Книга, которую считала безвозвратно утраченной.

Книга, которая была для меня всем.

Она оказалась прямо передо мной, на фотографии в «Нью-Йорк таймс», оставленной кем-то развернутой на стойке для возврата книг. Я взяла газету, и мир вокруг погрузился в тишину; моя рука дрожала почти так же сильно, как и в тот день, когда я в последний раз держала эту книгу. «Этого не может быть», — шептала я.

Я смотрела на фотографию. С нее на меня глядел мужчина: лет семидесяти, с тонкими и редкими снежно-белыми волосами и широко поставленными

ми, слегка навывкате глазами за выпуклыми стеклами очков.

Заголовок в газете гласил: «Через шестьдесят лет после окончания Второй мировой войны немецкий библиотекарь ищет законных владельцев, чтобы вернуть им украденные книги». Мне хотелось крикнуть этому мужчине на фотографии, что я и есть законная владелица книги, которую он держит в руках, этого фолианта в потускневшем кожаном переплете, отклеившемся в правом нижнем углу, и с названием на позолоченном корешке: «Послания и Евангелия». Она принадлежала мне и Реми — мужчине, который давным-давно умер и о котором после войны я поклялась никогда больше не вспоминать.

Но, несмотря на все мои старания, на этой неделе я все-таки думала о нем. Ведь завтра — восьмое мая и мир будет праздновать шестидесятую годовщину победы в Европе. В этот день, когда все молодые телеведущие станут говорить о войне с таким торжественным видом, словно они и правда способны понять, какой была та война, мне невольно придется вспомнить о Реми. О времени, которое мы провели вместе, о людях, которых мы спасли, и о том, чем все это закончилось. Мой сын утверждал, что мне несказанно повезло сохранить столь острый ум в преклонном возрасте, но у каждого дара есть своя обратная сторона.

Очень многое мне хотелось бы забыть.

Я старалась прогнать от себя непрошенные воспоминания о Реми и сосредоточилась на статье. Человека на фотографии звали Отто Кюн, он — сотрудник Берлинской Центральной и Земельной библиотеки, и делом его жизни стало возвращение

книг, украденных нацистами. Очевидно, что в его библиотеке собраны тысячи подобных книг, но та, которую он держал в руках — моя книга, — по его словам, не давала ему спать по ночам.

«Это религиозное сочинение, — поведал Кюн репортеру, — мое любимое среди множества хранящих тайны сокровищ, которые можно найти у нас на полках. Книга напечатана в Париже в 1732 году, она очень редкая, но не это делает ее такой необыкновенной. Уникальность книги заключается в том, что внутри нее мы обнаружили интригующую головоломку — нечто вроде шифра. Кому он принадлежал? Что означал этот код? Как книга попала в руки немцев во время войны? Эти вопросы преследуют меня все время».

Я чувствовала, как слезы наворачиваются на глаза, хотя сейчас они были совершенно неуместны. Я смахивала их, сердясь на себя за то, что спустя столько лет я все еще даю волю эмоциям. «Не так уж и плохо, — тихо сказала я фотографии Кюна, — когда вас преследуют вопросы, а не призраки».

— Хм, миссис Абрамс? Вы что, разговариваете с газетой?

Голос младшего библиотекаря Дженни Фиш рассеял туман моих воспоминаний. Она относилась к тому типу людей, кто готов жаловаться по любому поводу. Похоже, ей доставляло особое удовольствие намекать мне, что в мои восемьдесят шесть лет пора уже подумать о выходе на пенсию. Она всегда с подозрением разглядывала меня, словно не могла поверить, что у человека моего возраста остается искреннее желание здесь работать. Она не понимала, как можно любить

книги так страстно, что порой кажется: без них ты просто умрешь, перестанешь дышать и существовать. По правде говоря, мне представлялось странным, почему она вообще стала библиотекарем.

— Да, Дженни, разговариваю, — ответила я, не поднимая глаз.

— Но, наверное, вам не стоит так поступать на виду у посетителей библиотеки, — заметила она без намека на иронию. — Вдруг они подумают, что у вас старческое слабоумие? — У нее напрочь отсутствовало чувство юмора.

— Спасибо, Дженни, за, как всегда, дельный совет.

Дженни мрачно кивнула. Совершенно очевидно, что она не улавливала сарказм маленькой седовласой бабули, на который та все еще способна.

Но в данный момент у меня не было на нее времени. Все мои мысли занимала книга. Книга, которая таила в себе так много секретов. Книга, которую у меня забрали, прежде чем я успела выяснить, есть ли в ней ответ на один-единственный и необычайно важный для меня вопрос.

А теперь возник этот мужчина, в руках у которого — разгадка, способная пролить на все свет; и нас отделяет друг от друга лишь один перелет.

— Но осмелюсь ли я? — шепнула я фотографии Отто Кюна. И ответила на собственный вопрос, прежде чем сомнения успели закрасться в душу: — Я должна. Я обязана ради детей.

— Миссис Абрамс? — Дженни снова обратилась ко мне по фамилии, хотя я тысячу раз просила ее называть меня Евой, ведь других, более молодых библиотечкарей, она звала по именам. Но, увы, я для нее

всего лишь старая леди. Это одна из неизбежных особенностей старости — с годами твоя личность в глазах окружающих постепенно стирается.

— Да, Дженни? — Я наконец-то удостоила ее взглядом.

— Вы не хотите пойти домой? — Вероятно, она спрашивала, ожидая, что я откажусь. На ее губах появилась легкая усмешка, она была уверена, что утвердила свое превосходство надо мной. — Чтобы немного прийти в себя.

С невероятным удовольствием глядя ей прямо в глаза, я улыбнулась:

— Да, Дженни, большое спасибо. Думаю, именно так я сейчас и поступлю.

Взяв с собой газету, я ушла.

Вернувшись к себе — в уютный дом с верандой, находившийся всего в пяти минутах ходьбы от библиотеки, — я включила компьютер.

Да, у меня был компьютер. И я умела им пользоваться. У моего сына Бена отвратительная привычка: в моем присутствии он нарочито медленно произносил компьютерные термины: «ин-тер-нет», «э-лек-трон-на-я по-чта», как будто я не способна разобраться во всех этих технологиях. Но я особо не винила его. Он появился на свет через восемь лет после окончания войны, к тому времени я уже покинула Францию и мое прошлое осталось там. Бен знал меня как библиотекаря и домохозяйку, не всегда способную четко выразить свои мысли на английском.

Со временем у него сложилось превратное мнение, будто я была самым заурядным человеком. Как бы он отреагировал, если бы узнал правду? Я сама виновата,

что никогда не рассказывала ему, не пыталась исправить эту ошибку. Но вы не представляете, как это тяжело — выбраться из надежной и уютной защитной оболочки, в которой ты привыкла скрываться, и сказать: «Вообще-то, друзья, *вот* кто я на самом деле».

Возможно, я также боялась, что отец Бена, мой муж Луис, уйдет от меня, если узнает, что я совсем не такая, какой он хотел меня видеть. Он все равно покинул меня десять лет назад из-за рака поджелудочной железы. Я скучала по его обществу, хотя меня не покидала странная мысль, что я и раньше вполне смогла бы без него обойтись.

Я зашла на сайт «Дельты», — видимо, эта привычка осталась у меня с тех пор, когда Луис часто летал в деловые поездки и был участником бонусной программы этой авиакомпании. Цены на билеты просто заоблачные, но у меня неплохие сбережения. Сейчас около полудня, один рейс вылетал через три часа, и еще один — в 21:35 с пересадкой в Амстердаме завтра утром и прибытием в Берлин в 15:40. Я немедленно купила билет на последний рейс. Есть нечто символическое в том, что я прилечу в Берлин ровно через шестьдесят лет после того, как в этом самом городе немцы подписали Акт о безоговорочной капитуляции перед союзниками.

По телу пробежала дрожь — то ли от страха, то ли от предвкушения.

Мне нужно собрать вещи, но сначала — позвонить Бену. Он меня не поймет, но, возможно, ему пора узнать, что его мать — совсем не та, кем он ее всегда считал.

Глава 2

Июль 1942

Серое небо над библиотекой Сорбонны в Пятом округе Парижа в любую минуту грозило разразиться дождем, воздух был тяжелым и плотным. Ева Траубе, стоя у входных дверей, мысленно проклинала влажность. Даже не глядя в зеркало, она знала, что ее темные волосы до плеч увеличились в объеме в два раза, придавая ей сходство с грибом. Впрочем, это не имело никакого значения; все равно люди обращали внимание только на шестиконечную желтую звезду, пришитую слева на ее кофте. Эта звезда перечеркивала все остальные черты ее индивидуальности — такие, как дочь, подруга, англофил, пишущий дипломную работу по английской литературе.

Для большинства парижан теперь она была всего лишь еврейкой.

Она вздрогнула, неожиданно почувствовав холод. У неба был зловещий вид: оно словно знало

нечто неведомое ей. Мрак, возникший из-за сгущающихся туч, казался физическим воплощением той тьмы, которая накрыла весь город.

«Мужайся, — говорил ее отец, французский которого до сих пор был далек от совершенства, и в нем все еще слышался польский акцент. — Не вешай нос. Немцы смогут причинить нам беспокойство лишь в том случае, если мы сами им это позволим».

Но его оптимизм не соответствовал реальности. Немцы совершенно свободно доставляли французским евреям множество неприятностей, не спрашивая разрешения у Евы и ее родителей.

Ева снова посмотрела на небо и задумалась. Она собиралась вернуться домой пешком, чтобы не пользоваться метро, где ввели новые правила: евреи теперь могли ездить только в последнем, самом жарком и душном вагоне. Но раз вот-вот начнется дождь, то, возможно, лучше бы спуститься в подземку.

— *A, mon petit rat de bibliothèque*¹, — послышался низкий голос у нее за спиной, выдернувший Еву из ее размышлений. Даже не оборачиваясь, она поняла, кто это, ведь только один из Евиных знакомых ласково называл ее «моим маленьким книжным червем».

— *Bonjour*², Жозеф, — сухо ответила она, почувствовав, как загораются ее щеки, — он ей нравился, и это ее смущало. Жозеф Пелетье, один из немногих студентов факультета английского языка, носивший

¹ Мой маленький книжный червь (*фр.*). — Здесь и далее — *прим. пер.*

² Здравствуй (*фр.*).

желтую звезду, в отличие от нее был евреем только наполовину и не соблюдал религиозных традиций. Жозеф, высокий, широкоплечий, с густыми темными волосами и светло-голубыми глазами, напоминал кинозвезду. И Ева знала, что многие девчонки с ее факультета согласились бы с ней, даже католички, чьи родители не допустили бы, чтобы за их дочерьми ухаживал еврей. Впрочем, Жозеф был не из тех, кто привык ухаживать. Скорее, он попытался бы соблазнить вас в темном углу библиотеки, а затем оставил бы на грани обморока.

— У тебя ужасно задумчивый вид, малышка, — сказал он, улыбаясь и целуя ее в обе щеки в знак приветствия. Его мать знала Еву с рождения, и он обращался с ней так, словно она все еще маленькая девочка, как в их первую встречу, хотя теперь Еве было уже двадцать три, а Жозефу — двадцать шесть лет.

— Да вот размышляю, пойдет дождь или нет, — ответила она, отстраняясь от него, прежде чем он успел заметить, как она зарделась от его прикосновений.

— Ева. — От того, как он произнес ее имя, ее сердце учащенно забилося. Когда она осмелилась снова посмотреть на него, его взгляд был полон тревоги. — Я искал тебя.

— Зачем? — На мгновение у нее появилась надежда, что он скажет: «Чтобы пригласить на обед». Но нет, мысль абсолютно нелепая. Да и куда они могли пойти? Для людей, которые носили желтые звезды, все заведения были закрыты.

Он наклонился к ней:

— Чтобы предупредить. Говорят, назревает нечто нехорошее. Массовые аресты. В пятницу. — Он

горячо дышал ей в ухо. — У них в списке двадцать тысяч евреев, родившихся за границей.

— Двадцать тысяч? Но этого не может быть!

— Еще как может. Моим друзьям стоит верить.

— Твоим друзьям? — Их взгляды встретились. Разумеется, она слышала о подполье, о людях, которые вели подрывную деятельность против нацистов в Париже. Неужели он их имел в виду? Да и кто еще мог обладать такими сведениями? — Почему ты так уверен, что они правы?

— А почему ты в этом сомневаешься? Думаю, тебе и твоим родителям лучше спрятаться где-нибудь в ближайшие несколько дней. На всякий случай.

— Спрятаться? — Отец Евы ремонтировал пишущие машинки, мать подрабатывала портнихой. Денег едва хватало на то, чтобы заплатить за квартиру, и о том, чтобы найти отдельное место для укрытия, не могло быть и речи. — Может, нам сразу снять номер в «Ритце»?

— Ева, это не шутка.

— Я не люблю немцев так же, как и ты, Жозеф, но двадцать тысяч человек? Нет, я в это не верю.

— Тогда просто будь осторожна, малышка. — В это мгновение небеса разверзлись. Жозеф растворился за пеленой дождя, исчез в море зонтиков, раскрывшихся над ведущими от библиотеки дорожками между фонтанами.

Ева выругалась себе под нос. Дождевые капли обрушились на мостовую, заблестевшую в полумраке сумерек, как будто ее полили маслом, и едва Ева сбегала со ступенек, чтобы направиться в сторону улицы дез-Эколь, как сразу же промокла до нитки. Она

попыталась натянуть кофту на голову, чтобы защититься от ливня, но звезда, которая была размером с ее ладонь, оказалась прямо над ее лбом.

— Грязная жидовка, — пробормотал проходивший мимо мужчина, чье лицо было скрыто зонтом.

Нет, сегодня Ева не поедет в метро. Она глубоко вздохнула и побежала в сторону реки, над которой, словно глыба, возвышался собор Парижской Богоматери. Домой.

— Как дела в библиотеке? — Отец Евы сидел во главе их маленького стола. Мать, в обтягивающем ее полное тело изношенном хлопковом платье и с вылинявшей косынкой на голове, разливала жидкий картофельный суп — сначала в его тарелку, а затем в тарелку Евы. Они все попали под дождь, и теперь их свитера висели и сушились у открытого окна, а желтые звезды безмолвно взирали на них, как три маленьких солдата, выстроившихся в шеренгу.

— Все замечательно. — Ева дождалась, пока мать сядет, и только потом приступила к скудной трапезе.

— Не знаю, зачем ты продолжаешь туда ходить, — удивилась Евина мама. Она поднесла ко рту ложку с супом и сморщила нос. — Тебе все равно не позволят защититься.

— Все еще изменится, *mamusia*¹. Я в этом уверена.

— Твое поколение такое оптимистичное, — вздохнула ее мама.

— Ева права, Файга. Рано или поздно немцам придется отменить эти правила. Они совершенно

¹ Мамочка (*польск.*).